

М. Е. Попов

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОВ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ*

Северо-Кавказский федеральный университет,
Российская Федерация, 355009, г. Ставрополь, ул. Кулакова, 2

В статье рассматриваются основные теоретические подходы к анализу социокультурной интеграции как инструмента урегулирования региональных конфликтов. Акцентируется внимание на исследовании антиконфликтного потенциала социокультурной интеграции в процессе деэскалации этнической напряженности на Северном Кавказе. Автор выявляет факторы конфликтов идентичностей и подчеркивает дестабилизирующую роль политизации этничности. В качестве структурных условий роста этнической напряженности и ее перерастания в деструктивные идентификационные конфликты выступают противоречия между системной модернизацией и социальной дезинтеграцией. Библиогр. 23 назв.

Ключевые слова: социокультурная интеграция, региональные конфликты, конфликты идентичностей, урегулирование конфликтов, Северный Кавказ.

М. Е. Попов

SOCIOCULTURAL INTEGRATION AND RESOLVING IDENTITY-BASED CONFLICTS: REGIONAL PERSPECTIVE

North Caucasus Federal University, 2, ul. Kulakova, 355009, Stavropol, Russian Federation

This paper is devoted to researching the main theoretical approaches to analyze sociocultural integration as a tool for resolving regional identity-based conflicts. Author focuses on the ability of sociocultural integration to transformation of destructive identity-based conflicts. The author considers the factors of the identity-based conflicts and emphasizes destabilizing role of the politicization of ethnicity. Among the structural conditions of the escalation of regional conflicts, the author calls: social inequalities, economic polarization, contradiction between the system modernization and social disintegration. Refs 23.

Keywords: sociocultural integration, regional conflicts, identity-based conflicts, conflict resolution, the North Caucasus.

Введение

В современной России социокультурная интеграция характеризуется тенденцией к увеличению этнических контактов, размывающих культурные границы. Системная стабильность и безопасность полиэтнических регионов зависят от масштабов и уровня макросоциальной солидарности и гражданской интеграции. В этой связи первоочередное значение приобретает комплексный анализ социокультурной интеграции как процесса ценностной консолидации, благодаря которому этносоциальные субъекты достигают высокого уровня надэтнической идентификации и социальной инклюзии.

---

* Статья подготовлена в рамках проекта «Социокультурная интеграция как способ снижения этнической напряженности на Северном Кавказе», Грант Президента РФ № МД-7429.2015.6.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

Исследования антиконфликтного потенциала интеграции и анализ механизмов социальной инклюзии и адаптации региональных сообществ к изменяющимся условиям модернизации являются одними из актуальных в теоретическом и практическом аспектах. Это обусловлено фундаментальным положением проблемы интеграции в социальных и политических науках, а также поиском новых консолидационных ресурсов в процессе деэскалации угроз этносепаратизма и урегулирования этносоциальных конфликтов. По словам О. В. Келасьева, «в настоящее время нарастает непредсказуемость, неопределенность и труднопрогнозируемость событий в самых разнообразных сферах. Общество заполняется все новыми и новыми группами “рисков” и видами угроз. Это порождает как новые формы социальных конфликтов, так и их усложнение, а также трудности в их урегулировании. На первый план при этом выходят ценностные конфликты, а они, как известно, относятся к числу наиболее трудноразрешимых. Наблюдаемый резкий рост и усложнение конфликтности оказались неожиданными не только для властных структур, но и для многих представителей социально-гуманитарных дисциплин, которые не успевают их адекватно осмыслить и дать соответствующую теоретическую интерпретацию. В условиях такого резкого возрастания социальной напряженности и конфликтности профессиональное урегулирование конфликтов должно становиться устойчивой и общественно признаваемой нормой жизнедеятельности российского общества. Более того, в сложившейся кризисной ситуации само российское общество для противодействия деструктивным тенденциям должно стремиться достичь определенного баланса в противостоянии интересов различных социальных групп, трактоваться с позиции конфликтологического подхода» [1, с. 93–94].

Обострение в сложносоставных обществах социокультурных конфликтов, к числу которых относятся трудноразрешимые конфликты идентичностей, обуславливает необходимость интеграционной политики, исключая ассимиляционные и изоляционистские стратегии, уменьшающей вероятность этнического насилия и обеспечивающей высокий уровень гражданской солидарности. Драматические события последних лет продемонстрировали тот факт, что социокультурные конфликты и конфликты идентичностей выходят за рамки внутригосударственных и региональных.

Быстро расширяющиеся в процессе глобализации границы социальных, экономических и культурных связей улучшают жизненные шансы одних групп и оказываются разрушительными для других. Современные модели региональной интеграции в глобальную экономику имеют противоречивый характер: в ситуации структурной демодернизации и неотрадиционализации региональных сообществ неолиберальные интеграционные модели могут увеличивать социальную нестабильность, создавая условия для эскалации этноконфессиональной и политической напряженности и ее перерастания в конфликты идентичностей. По словам И. С. Семененко, «многомерный конфликт идентичностей между автохтонными и инокультурными группами, между национальными сообществами в составе современных политических наций, между Центром и регионами, между носителями разных групповых идентификаций и культурных норм оказывается сегодня препятствием на пути консолидации гражданской нации» [2, с. 114].

Северный Кавказ как этнически многообразный и социально нестабильный российский регион становится одним из главных объектов интеграционной политики. Социальная стабильность и модернизационная активность в макрорегионе напрямую зависят от масштабов и уровня макросоциальной солидарности. В этой связи первоочередное значение приобретает анализ социокультурной интеграции как процесса системной консолидации, благодаря которому этносоциальные субъекты достигают высокого уровня «консистентной» солидарности. «Социальная солидарность, — отмечает О. А. Кармадонов, — реализуется в двух основных векторах: вертикальном (макросоциальном), в котором консолидационный процесс или поток устремляется от власти к обществу и обратно; и горизонтальном (микросоциальном), в котором поток консолидации совершает круговорот внутри сообществ и между сообществами, из которых формируется общество в целом. В норме два консолидационных потока взаимно дополняют друг друга и, формируя консистентную солидарность, поддерживают равновесие в социальном образовании, придав ему устойчивость и укрепляя его жизнеспособность» [3, с. 8].

Постановка исследовательской задачи

Традиция исследования социокультурной интеграции связана с концептуальным противоборством теории конфликта, мультикультурализма, неофункционализма: противоречие заключается в трактовке интеграции как способа деэскалации конфликтов идентичностей в плюралистических сообществах, при этом конфликтологи опираются на анализ конфликтогенной природы этничности, мультикультуралисты исходят из нормативности этнической идентификации, представители неофункционалистской парадигмы интерпретируют статус этнических групп с позиций равенства возможностей и нормативности интеграции. Как отмечают Дж. Фирон и Д. Лейтин, полноценная теория конфликта должна объяснить, почему, несмотря на серьезную напряженность, этнические отношения, основанные на мире и интеграции, являются более типичным явлением, чем крупномасштабное насилие [4]. Определение социокультурной интеграции в категориях системной консолидации связано с работами Д. Локвуда, обратившего внимание на необходимость теоретического синтеза альтернативных парадигм нормативного функционализма и теории конфликта Л. Козера, Р. Дарендорфа, Дж. Рекса [5].

Специфика региональных конфликтов как вызовов социокультурной интеграции заключается в том, что они протекают на фоне столкновения конкурирующих коллективных ценностей и идентичностей. Понятие «ценностного столкновения» уточняет концепт этнорегионального конфликта как конфликта идентичностей, подчеркивая системный характер данной объяснительной модели. Как отмечают Дж. Эстебан, Л. Мейорал, Д. Рей, «внутригосударственные конфликты приобретают выраженный этнический характер. Более половины гражданских конфликтов после Второй мировой войны классифицированы как этнические или религиозные. Одним из оснований классификации регионального этнического конфликта является его идентификация в качестве антигосударственного мятежа от имени этнической группы. Р. Брубейкер и Д. Лейтин, рассматривая историю внутригосударственных конфликтов второй половины XX в., пришли к выводу об исчезновении

биполярной идеологической оси на фоне масштабной этнизации насильственных столкновений» [6, с. 859].

Социальная дезинтеграция ведет к масштабной эскалации этноконфессиональной напряженности, порождает политическую пассивность, аномию, моральный кризис, а носителей радикальных идеологий толкает к религиозному и политическому экстремизму. «Значительная часть россиян, — отмечает В. В. Петухов, обобщая данные общероссийского исследования мониторингового типа «Динамика социальных трансформаций современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (Институт социологии РАН), — опасается нравственной деградации нации, считая ее угрозой, сопоставимой со снижением уровня жизни, кризисом социальной сферы и т. п. Лишь 12 % не испытывают по этому поводу беспокойства; 50 % сказали о сильной тревоге и даже страхе; 38 % — о “некотором беспокойстве” <...> Морально-нравственная проблематика переместилась в центр общественного внимания, став не только предметом острых дискуссий, но и конфликтов, носящих нередко выраженный политический оттенок» [7, с. 29–30].

Эмпирический анализ этноконфессиональной напряженности на региональном уровне приводит к мысли о деструктивном воздействии внутрисистемных противоречий, обусловленных социальной фрагментацией и дезинтеграцией, неудовлетворенностью базовых потребностей равенства, справедливости, безопасности. В исследовании В. А. Авксентьева и М. М. Шульги, посвященном анализу перспектив развития этноконфессиональных отношений в Северо-Кавказском регионе, отмечается, что межнациональные и межконфессиональные отношения «можно охарактеризовать как стабильно напряженные. Вместе с тем ни те ни другие не рассматриваются как наиболее острые проблемы и занимают соответственно 11-е и 15-е места из 16-ти предложенных в рейтинге актуальности социальных проблем. Этот результат оказался несколько неожиданным, с учетом того, какое место этнонациональная проблематика занимает в общественно-политическом дискурсе в регионе. Наиболее актуальными, по мнению респондентов, являются проблемы, общие для всей страны: коррупция, взяточничество (48,5%), рост цен, налогов, инфляция (46,5%), безработица (38,6%), рост преступности (34,9%); жилищная проблема и проблемы коммунального обслуживания (32,8%). Хотя респонденты оценили вероятность возникновения межнациональных конфликтов как среднюю, в условиях стабильной напряженности любой конфликт, независимо от его истинных причин, может быстро превратиться в межэтнический. Для таких обстоятельств характерно восприятие действий людей другой национальности как потенциальной угрозы для безопасности своей национальности. Сложившаяся ситуация создает благоприятные условия для этноконфликтной мобилизации — быстрого объединения людей по национальному признаку для участия в конфликтных действиях. Высокая напряженность в межэтнических отношениях — основная причина постоянно вспыхивающих на территории края локальных конфликтов с межэтническим компонентом» [8, с. 39].

В качестве структурных факторов, определяющих остроту этнической напряженности и, как следствие, эскалацию конфликтов идентичностей, выступают социальное неравенство и поляризация общества; изоляционизм и регионализация в этих условиях приобретают выраженный конфликтогенный характер.

В. А. Авксентьев и М. М. Шульга отмечают: «Причинами межконфессиональной напряженности по результатам группировки ответов являются: безработица, низкий уровень жизни, низкие зарплаты; низкий уровень культуры и образования населения; ошибки национальной политики; низкий уровень толерантности; борьба за земли, за территорию; раздувание конфликтов в СМИ; пропаганда превосходства одних религий над другими, радикализация религии; неконтролируемая миграция, ошибки в миграционной политике» [8, с. 41].

Политизация этничности, религиозный фундаментализм, деградация гражданских ценностей и снижение уровня надэтнической идентификации в Северо-Кавказском регионе становятся факторами социальной дезинтеграции и эскалации конфликтов идентичностей. Проблема исследования социокультурной интеграции как инструмента урегулирования региональных конфликтов связана с решением следующих задач: 1) теоретический анализ социально-интеграционных процессов; 2) выявление условий роста этнической напряженности в регионе; 3) концептуализация социокультурной интеграции в качестве метода конструктивного разрешения этносоциальных противоречий на Северном Кавказе.

Методология, основные концепции и теоретические подходы

Социокультурная интеграция соотносится с базовыми принципами межкультурного взаимодействия, благодаря которому социальные субъекты связаны друг с другом в ценностном пространстве; понятие системной интеграции характеризует функциональные отношения между структурными и институциональными элементами социокультурной системы. Однако само использование понятия «интеграция» не означает, что описываемые социокультурные отношения и взаимодействия имплицитно гармоничны. В соответствии с концепцией Д. Локвуда, условия интеграции могут заключать в себе как социальный порядок, так и групповой конфликт. По словам О. А. Кармадонова, «мы можем говорить о “непротиворечивости” социальной солидарности в том или ином обществе только тогда, когда в нем представлены оба начала консолидации в своей процессной реализации: микро-социальная солидарность, воплощенная в практиках повседневных интеракций в первичных социальных группах, и макросоциальная солидарность, реализуемая через текущие усилия власти по интериоризации символического комплекса, что предполагает и известную степень насилия прямого или “символического” (Бурдье) характера. В случае активного наличия обоих начал мы можем говорить о согласованной, или консистентной, солидарности» [3, с. 7–8].

В макросоциологической теории основным источником интеграции / дезинтеграции современных обществ является классовая система. В соответствии с веберовскими представлениями о социальной стратификации, развитие статусных систем с большой вероятностью приведет к политической солидарности и гармоничным формам интеграции, в то время как классовые общества генерируют конфликтные формы дезинтеграции. Теория посттрадиционных трансформаций пытается рассматривать социокультурную интеграцию через призму системной: Д. Локвуд отмечает, что теоретики конфликта подчеркивают политический конфликт в качестве основного двигателя социальных изменений, в то время как нормативные функционалисты принижают роль политических акторов и стремятся

подчеркнуть (функциональные или дисфункциональные) отношения между социальными институтами. Для Д. Локвуда задача интеграционной теории состоит в том, чтобы преодолеть этот теоретический дуализм [5].

Теория интеграции стремится к сочетанию концептов индивидуальной свободы и групповой лояльности как контрнарративов насильственной ассимиляции, что можно рассматривать в качестве движения к плюрализму и уважению к культурным различиям на индивидуальном и коллективном уровнях. В этнонациональной сфере социокультурная интеграция формирует рационально-коммуникативные механизмы гражданской консолидации на основе принципов равенства и справедливости. Социальная справедливость, создание «общества для всех», является всеобъемлющей целью интеграции. Справедливость относится к социетальным принципам и ценностям, которые позволяют социальным субъектам получать справедливую долю выгоды за справедливую долю ответственности в рамках совместной жизни в обществе. Концепции социальной справедливости определяют гражданское общество как наиболее желательное и достижимое при условии, если права и обязанности распределяются в соответствии с согласованными принципами равенства; это интегрированное общество, в котором социальные субъекты могут принимать участие в социальной, экономической и политической жизни на основе равенства прав и возможностей, справедливости и достоинства [9].

Понятие социокультурной интеграции относится к фундаментальным «конструктивистским» категориям, которые в настоящее время широко используются в социологии для описания концепции, цель которой заключается в масштабном содействии развитию социокультурной системы, в которой стабильность, безопасность, терпимость, уважение к многообразию, равенство возможностей, социальная инклюзия являются необходимыми и атрибутивными принципами. Социокультурная интеграция определяется как процесс формирования справедливого общества на основе принципов социальной инклюзии и защиты прав человека, борьбы с дискриминацией, толерантности, социального равенства, сплоченности и солидарности [10].

В рамках данной концепции эффективным результатом политики социокультурной интеграции будут граждане, участвующие в принятии политических решений и чувствующие включенность в культурную жизнь общества. Аналогичным образом легитимность политических институтов и структур современного демократического общества обусловлена высокой степенью сплоченности и политического участия отдельных личностей и групп в полноценной жизни общества. По мнению канадских теоретиков интеграционной политики Дж. Дженсон и П. Бернарда, социальная сплоченность как нормативно-ценностный результат социокультурной интеграции основывается на осознанной и добровольной готовности людей сотрудничать и работать вместе на всех уровнях общества для достижения общих целей [11, 12].

Основные результаты и дискуссия

Необходимость стимулирования социокультурной интеграции в мультиэтническом региональном сообществе обусловлена ценностными и инструментальными причинами: с этической точки зрения создание интегрированного «общества

для всех» является самоочевидной социетальной целью; структурные факторы политики интеграции связаны с необходимостью уменьшения культурных и социальных различий, ведущих к социальной фрагментации и оказывающих негативное воздействие на модернизационные процессы и предотвращение региональных конфликтов.

Политика социокультурной интеграции имеет нормативной целью социальную сплоченность и инклюзию, подразумевая равные возможности и права для всех социальных субъектов: в результате реализации этой задачи социальная система становится более интегрированной, что предполагает равенство и улучшение жизненных стратегий. Гражданская идентичность, институциональное доверие и культурный капитал, которые лежат в основе макросоциальной солидарности, являются компонентами социокультурной интеграции, равно как и демократические институты и плюралистические ценности, на которых зиждется современное общество. В исследовании И. Н. Трофимовой отмечается, что «анализ структуры институционального доверия показал, во-первых, наибольший уровень доверия институтам, воплощающим могущество, державность и национальное единство страны; во-вторых, относительно низкий уровень доверия институтам, в том числе представительным, призванным выражать и защищать права и свободы отдельных групп граждан; в-третьих, слабо оформленное отношение к организациям гражданского общества <...> В отсутствие гражданской консолидации и в условиях высокой неопределенности, сложившейся внешне- и внутривнутриполитической ситуации общество сплачивается вокруг политического лидера, каковым на данный момент является президент В. В. Путин. Позитивное отношение к президенту страны обеспечивает устойчивость существующего общественно-политического режима, что в долгосрочной перспективе не исключает возникновения социальных и политических конфликтов, которые в отсутствие широкой гражданской консолидации могут иметь необратимые последствия» [13, с. 75–80].

Критики интеграции обращают внимание на ее потенциальные негативные последствия, вызывающие в воображении репрессивный образ ассимиляционной политики и навязанного культурного единообразия. Проблемы интеграции относятся к классу задач национальной политики, которые британский исследователь Дж. Чепмен описал как «политику беспорядка», характеризующуюся отсутствием четкого и ясного соглашения о способах и формах консолидации, неопределенностью и двусмысленностью относительно того, какими методами социокультурная интеграция может быть эффективно реализована без ограничения во времени и ресурсах [10, с. 27].

В современном социологическом дискурсе проблемы интеграции могут быть обобщены следующим образом:

- 1) социокультурная интеграция имеет морально-ценностный императив и системную задачу, заключающиеся в социальном прогрессе в направлении к более справедливому и равноправному обществу;
- 2) в процессе социокультурной интеграции конфликтогенные факторы социальных неравенств и экономической поляризации могут быть смягчены за счет социального включения личностей и групп, ранее исключенных из определенных видов деятельности;

3) в стремлении к инклюзии, универсализму, единообразию политика интеграции может нивелировать ценности мультикультурализма и принципы культурного разнообразия;

4) максимальная концентрация на нормативной цели социокультурной интеграции может препятствовать политическим трансформациям.

Существуют три основные детерминанты формирования ценностно-инклюзивной модели социокультурной интеграции. Во-первых, чем выше степень интеграции и сплоченности в обществе, тем более высокой будет поддержка государства в таких областях, как образование, медицинское страхование, социальные программы. Во-вторых, чем выше степень социальной сплоченности, тем более строгими будут соблюдение социальных норм и поддержка таких гражданских институтов и ценностей, как социальное доверие, культурный и политический плюрализм, уважение к закону, этническая толерантность, компромисс. Институты, основанные на этих гражданских ценностях, делают групповое сотрудничество безопасным, рациональным, этически необходимым, тем самым повышая эффективность политики социокультурной интеграции. В-третьих, более высокий уровень социального и культурного участия повышает уровень гражданской и политической консолидации, что не только способствует социокультурной интеграции, но и увеличивает социальный капитал.

В рамках концепции «культурного гражданства» социокультурная интеграция не является гомогенной и представляет собой «инвентаризацию возможностей» и «инструментарий для регулирования повседневности»: политика интеграции становится инструментом культурной либерализации, способом поощрения гражданского единства и культурного разнообразия в плюралистическом обществе таким образом, чтобы не концентрировать персональное и групповое самосознание на собственной «инаковости», но позиционировать «другого» в качестве полноценного носителя общегражданской идентичности, политически мотивированного и социально включенного, вносящего индивидуальный вклад в культурную, политическую и экономическую жизнь общества [14, с. 106].

В исследовании Р. Пэриса, посвященном политическому анализу последствий миротворческих миссий, развернутых в период с 1989 по 1998 гг., отмечается, что миротворцы в 1990-е гг. недооценивали дестабилизирующее воздействие процессов демократизации и либерализации в постконфликтных странах, недавно завершивших этнорелигиозные и гражданские войны [15, с. 6]. Несмотря на поддержку стремления кризисных и нестабильных государств к либеральной рыночной демократии Р. Пэрис предлагает новую модель интеграции, названную им как «институционализация до либерализации», на основе следующих принципов:

1) задержка в масштабном внедрении демократических и рыночных реформ до тех пор, пока не будет создана рудиментарная сеть национальных институтов, способных эффективно управлять процессами либерализации;

2) рационализация процессов либерализации в сочетании с внедрением демократических ценностей, конструированием гражданских идентичностей, строительством социальных институтов и правительственных учреждений, управляющих политическими и экономическими реформами [15, с. 8].

У. Кимлика предполагает, что ускоренное и революционное введение неолиберальной политики и интеграционной модели мультикультурализма («интеркуль-

турализма», «политики разнообразия») в недемократическом обществе может нести конфликтогенные риски и угрозы дестабилизации. Он отмечает, что либеральный мультикультурализм легче принять там, где либеральная демократия уже хорошо известна и где верховенство закона и права человека защищены. В странах, где базовые ценности и принципы либеральной демократии еще не интегрированы в социальную систему и коллективную идентификацию, становится необходимо медленный поэтапный процесс демократизации до полного осуществления интеграционной модели либерального мультикультурализма. Несмотря на то что интеграционная политика мультикультурализма несет политическую свободу, социальное равенство и демократию, Кимлика призывает политиков и ученых понять социокультурный контекст интеграции — права меньшинств, ценности и самосознание этнических групп [9, с. 19].

Социокультурная интеграция как социально-политическая проблема управления конфликтами идентичностей в мультиэтнических сообществах требует не только особой чувствительности к культурному контексту и этничности, но и предполагает высокую степень рационализации и уверенности в необходимости вмешательства в этническую сферу в целях ее преобразования и постконфликтной трансформации. Мотивы участия этнических групп в конфликтах идентичностей будут во многом влиять на перспективы их исхода; ради удовлетворения своих материальных интересов люди вряд ли станут сознательно рисковать жизнью. В конфликтах идентичностей участие сторон имеет выраженный характер жертвенности, а не неизбежного риска: готовность нести жертвы ради ценностных и религиозных идеалов эмоционально переживается и осознается участниками конфликтов. В исследовании А. К. Идиатуллова, посвященном анализу религиозной жизни Карачая, автор фиксирует «некий конфликт поколений на религиозной почве»: «На одной его стороне — “традиционные” мусульмане, как правило, старше 50 лет, которые подчеркивают связь с культурной “не фанатичной” традицией прошлого, представляющей собой сложный конгломерат, состоящий из двух элементов: 1) народного карачаевского ислама, сформировавшегося еще до революции под влиянием родовых и семейных представлений и ритуалов, обычного права (адата), а также 2) специфического новообразования XX в. — советского ислама... На другой стороне отмеченного выше конфликта — молодые представители «нового исламского движения», для которых ислам ассоциируется в меньшей степени с прошлым карачаевского народа, в большей же степени с прямыми источниками мусульманской религии — Кораном, сунной, проповедями имама, а также с соответствующими обрядами (шахада, намаз, никях). Среди новых мусульман выделяются два течения: 1) умеренные мусульмане (сунниты ханафитского мазхаба); 2) радикальные мусульмане (салафиты или ваххабиты). Нередко традиционные мусульмане оценивают подобные течения как однозначно радикальные и негативные, не проводя между ними границы» [16, с. 132].

Эскалация этнической напряженности происходит в том случае, когда этнокультурная группа склонна воспринимать себя как «жертву» ценностных притязаний со стороны «других» групп. «Если мы хотим добиться успеха в исследовании причин конфликтов идентичностей, — отмечает Дж. Ротман, — мы должны начать с определения, которое приведет к ценному теоретизированию и конструктивным методам разрешения. Мы рассматриваем идентичность как самовосприятие, на-

полненное культурной формулой. Культурная формула основывается на внутренних потребностях и предпочтениях, групповых характеристиках и коллективных ценностях» [17, с. 650].

Впервые термин «конфликты идентичностей» появляется в работах Дж. Бертона и Дж. Ротмана в 1990-е гг. Дж. Бертон рассматривает социокультурную идентичность как одну из базовых потребностей, при этом угроза идентичности воспринимается группой как одна из основных угроз безопасности. Дж. Бертон в качестве ключевых выделяет две потребности: потребность в идентичности и потребность в безопасности; по мнению Дж. Ротмана, важнейшими атрибутами конфликтов идентичностей являются их иррациональность, субъективность, неуправляемость [18].

Анализируя статус этничности в динамике региональных конфликтов, необходимо указать на связь групповых идентичностей с примордиальными ценностями традиционных обществ, в которых гражданское самосознание и индивидуализм не играют заметной роли. По мнению Дж. Ротмана и М. Альберштейн, когда в процессе медиации конфликтологи имеют дело с этногрупповым столкновением, «обращение к индивидуальным интересам не в состоянии загладить трещину, возникшую в результате конфликта; попытки манипулировать группами могут привести к интенсификации конфликта идентичностей» [17, с. 657].

В конфликте идентичностей идентичность может быть персональной, групповой или межгрупповой, но она всегда является источником противоречия и катализатором конфликта. Стороны могут воспринимать себя в качестве «персональных максимайзеров» (Дж. Ротман), защищая индивидуальные ценности, преследуя собственные интересы и выражая индивидуалистические потребности; они могут быть социокультурными группами и ощущать себя частью коллективного целого; они могут ощущать себя носителями множественных идентичностей и вступать в конфликт на межгрупповом уровне, но все эти восприятия генерируются «культурной формулой», идентичностью. Культурная идентичность становится «идеологической базой» участников конфликта, наполненной персональными, групповыми и межгрупповыми эмоциями, ценностями и смыслами.

Условиями эскалации этнической напряженности и ее перерастания в трудно-разрешимые конфликты идентичностей являются этносоциальные неравенства, экономическая поляризация, противоречия между системной модернизацией и социальной дезинтеграцией. Региональный конфликт идентичностей имеет собственные уникальные характеристики, и в разных контекстах некоторые из этих элементов будут более заметны, чем другие, но все они являются общими знаменателями генезиса такого конфликта. Примордиалистский подход помогает объяснить конфликтогенную природу этнической идентичности; концепция политических антрепренеров объясняет, как взаимодействуют институциональные факторы и этнические стереотипы. Этничность воплощает в себе элемент мощной эмоциональной напряженности, которая может быть реполитизирована и реактивирована, если группами осознается угроза культурной идентичности, ценностям и безопасности, что приводит к этнификации, эскалации этнической интолерантности и в конечном итоге — насильственному этническому конфликту [19, 20].

Конфликты идентичностей опасны тем, что в их генезисе и динамике социальная неудовлетворенность будет с высокой степенью вероятности политизирована;

воздействие установок к экстремизму и насилию состоит в том, чтобы сконцентрировать агрессивный потенциал в точке этнической интолерантности и конфессиональной непримиримости. Величина насилия в конфликтах идентичностей детерминирована интенсивностью этнической напряженности и социальной неудовлетворенности, а также масштабами институциональной поддержки и мобилизации, являющимися условиями открытого противостояния.

Этнокультурные различия не приводят к неизбежным конфликтам идентичностей, формируя предпосылки к интеграции и диалогу; однако, когда различия политизируются и интерпретируются как угрозы групповой безопасности, возникают трудноразрешимые конфликты идентичностей. По мнению А. В. Глуховой, «ресурсы диалогичности (институциональные, коммуникативные, интеллектуальные, психологические) являются важным показателем цивилизованного общества, его способности к устойчивому демократическому развитию. При этом под диалогичностью понимается общественная открытость (прежде всего политических структур), стремление к взаимодействию культур и их носителей, развитость дискуссионных технологий, коммуникативная толерантность» [21, с. 11].

Конфликты идентичностей затрагивают экзистенциально значимые групповые ценности, поэтому участники эмоционально вовлечены в них; в силу эмоциональной заряженности эти конфликты перестают быть средством преодоления социальных фрустраций, становятся деструктивной самоцелью, оправдывающей этническое насилие. Реполитизация этничности, этническая интолерантность, религиозный фундаментализм играют ключевую роль в инициации культурных конфликтов на Северном Кавказе. А. К. Идиатуллов отмечает «потенциально нестабильную обстановку» в регионе и Карачае в частности, которая сложилась на фоне инкультурации «нового ислама» (суннитского, салафитского) в пространство традиционной карачаевской (дореволюционно-советской) религиозной системы» [16, с. 135].

Дезинтеграция, вызванная затяжными конфликтами идентичностей, может быть преодолена обеспечением системной гражданской консолидации и целенаправленным культивированием этнической толерантности. По словам Е. А. Кублицкой, «основная суть толерантности — терпимость к “чужому”, “иному” в Российском государстве — неотъемлемая черта демократизации общества. Развитие этих отношений в наибольшей степени зависит от уровня терпимости населения в национальной и конфессиональной сферах» [22]. «Этнополитический конфликт, — отмечает В. А. Ачкасов, — это не только вооруженное или политико-правовое противостояние, это конфликт различных историософий, исторических и культурных ценностей и символов. Это порождает феномен “конкурирующих культурных и исторических традиций”, чаще всего это противостояние национальных или этнических традиций в рамках многонационального социума, борьба за “историческое наследие” (конструктивисты не без оснований пишут о том, что не существует объективных исторических фактов, они изменчивы и, по сути, являются продуктом интерпретации тех, кто имеет большие или меньшие права на их легитимную номинацию) или конфликты между традициями представителей различных социальных групп. Возможны острое соперничество и религиозных, и этнических традиций в мультиконфессиональном или мультиэтническом обществе, противостояние региональных традиций, борьба за определение смысла конфлик-

та и установление его причин и т. д. Зачастую подобная “война интерпретаций”, борьба с помощью той или иной выборки исторических фактов становится прологом к острым межгосударственным политическим конфликтам» [23, с. 75].

В северокавказском социуме стратегия социокультурной интеграции должна строиться не на ассимиляционной политике и подавлении этнических различий, но на принципах гражданской солидарности и этнического сотрудничества. При обсуждении антиконфликтных механизмов интеграции на Северном Кавказе необходимо учитывать следующее. Во-первых, социокультурная интеграция — это макрополитический проект, содержание которого в значительной степени определяется проблемами обеспечения социальной стабильности и безопасности полиэтнического российского общества. Во-вторых, развитие Северо-Кавказского региона после окончания вооруженных конфликтов показывает недопустимость ориентации на изоляционизм этносоциальных систем в рамках единого политического пространства.

Выводы и рекомендации

Выводы и рекомендации относительно создания универсальной теоретической модели социокультурной интеграции могут быть преждевременными, тем не менее необходимо дополнить существующие концептуальные подходы:

1) социокультурная интеграция должна быть системной, многофакторной, многомерной, принимать во внимание роль политических, экономических, социальных, этнических, мультикультурных факторов в урегулировании конфликтов идентичностей, содействии консолидации, солидарности, сплоченности и инклюзии;

2) следует учитывать социокультурный и антиконфликтный контекст политики интеграции в рамках регионального сообщества, чтобы гарантировать управляемость и эффективность интеграционных мер;

3) социокультурная интеграция — структурно-преобразующий, трансформационный процесс, обеспечивающий позитивные результаты политических, социальных и культурных изменений в сложносоставных сообществах.

Стратегия социокультурной интеграции стремится к формированию оптимальных условий для гармоничного и бесконфликтного взаимодействия структурных элементов социально-политической системы, баланса между различными социальными субъектами и этническими группами. Концепции социокультурной интеграции являются базовыми в теориях конфликта, мультикультурализма, неофункционализма и определяют способы и механизмы отношений между структурными единицами социокультурной системы: с одной стороны, этносоциальные субъекты интегрируются, чтобы избежать деструктивных конфликтов и нарушения целостности системы, с другой — они сотрудничают в целях содействия системной стабильности, культурному диалогу, этническому консенсусу, гражданской солидарности.

Интеграционные задачи обеспечения региональной безопасности и преодоления культурных конфликтов в их наиболее деструктивной форме — конфликтов идентичностей — носят общегосударственный и общероссийский характер. Социокультурная интеграция снижает этническую напряженность, что связано

с высоким уровнем макросоциальной консолидации и редукцией негативной стереотипизации “других” как “этнических врагов». Политика социокультурной интеграции на Северном Кавказе должна выступать в качестве основного инструмента конфликтного предупреждения — проактивного воздействия на этноконфликтную среду и рационализации противоречий.

Литература

1. Келасьев О. В. Социальный конфликт как целостное образование // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 12. 2015. № 3. С. 93–101.
2. Семененко И. С. Социокультурная модернизация и конфликт идентичностей // Россия реформирующаяся. М.: Новый хронограф, 2013. Вып. 12. 528 с.
3. Кармадонов О. А. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 3–12.
4. Fearon J., Laitin D. Explaining Interethnic Cooperation // The American Political Science Review. 1996. Vol. 90, N 4. P. 39–56.
5. Lockwood D. Some Remarks on “The Social System” // The British Journal of Sociology. 1956. Vol. 7, N 2. P. 72–94.
6. Esteban J., Mayoral L., Ray D. Ethnicity and Conflict: Theory and Facts // Science. 2012. Vol. 336. P. 858–865.
7. Петухов В. В. Российская трансформация и общественная мораль // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 28–40.
8. Авксентьев В. А., Шульга М. М. Ставрополье многонациональное: оплот стабильности или перекресток проблем? // Социологические исследования. 2013. № 12. С. 34–42.
9. Kymlicka W. Multicultural Odysseys: Navigating the New International Politics of Diversity. Oxford: Oxford University Press, 2007. 384 p.
10. Chapman J. System Failure: Why governments must learn to think differently. London: Demos, 2002. 267 p.
11. Bernard P. Social Cohesion: A Dialectical Critique of a Quasi-Concept? Ottawa: Strategic Research and Analysis Directorate, Department of Canadian Heritage and Canadian Policy Research Networks, 1999. 230 p.
12. Jenson J. Mapping Social Cohesion: The State of Canadian Research. Ottawa: Strategic Research and Analysis Directorate, Department of Canadian Heritage and Canadian Policy Research Networks, 1998. 310 p.
13. Трофимова И. Н. Консолидация власти и общества в России: специфика текущего внешне- и внутриполитического контекста // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 72–80.
14. Stone M., Destrempes H., Foote J., Jeannotte M. Immigration and Cultural Citizenship: Responsibilities, Rights and Indicators. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2008. 284 p.
15. Paris R. At War's End Building Peace after Civil Conflict. New York: Cambridge University Press, 2004. 352 p.
16. Идиатуллов А. К. Взаимодействие исламских течений в Карачаевском городском округе в конце XX — начале XXI вв. // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 129–135.
17. Rothman J., Alberstein M. Individuals, groups and intergroups: Understanding the Role of Identity in Conflict and Its Creative Engagement // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2013. N 28 (3). P. 631–658.
18. Rothman J. Resolving Identity-Based Conflict: In Nations, Organizations, and Communities. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1997. 380 p.
19. Blagojevic B. Causes of Ethnic Conflict: a Conceptual Framework // Journal of Global Change and Governance. 2009. Vol. 3. P. 87–102.
20. Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Los Angeles: University of California Press, 1985. 410 p.
21. Глухова А. В. Гражданский диалог как механизм формирования публичной политики: современные тенденции и проблемы России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 3. С. 11–20.
22. Кублицкая Е. А. Конфликтный потенциал межнациональных и этноконфессиональных отношений // Вестник Московского ун-та. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 1. С. 97–105.
23. Ачкасов В. А. Этнополитический конфликт как следствие этнизации социальных проблем // Политэкс. 2013. Т. 9, № 2. С. 70–82.

References

1. Kelas'ev O. V. Sotsial'nyi konflikt kak tselostnoe obrazovanie [Social Conflict as an holistic entity]. Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Sociology, 2015, no. 3, pp.93–101. (In Russian)
2. Semenenko I. S. Sotsiokul'turnaia modernizatsiia i konflikt identichnostei [Sociocultural modernization and identity conflict]. *Rossiia reformiruiushchaisia*. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2013, vol. 12, 528 p. (In Russian)
3. Karmadonov O. A. Solidarnost', integratsiia, kon'iunktsiia [Solidarity, integration, conjunction]. Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological research], 2015, no. 2, pp.3–12. (In Russian)
4. Fearon J., Laitin D. Explaining Interethnic Cooperation. *The American Political Science Review*, 1996, vol. 90, no. 4, pp. 39–56.
5. Lockwood D. Some Remarks on "The Social System". *The British Journal of Sociology*, 1956, vol. 7, no. 2, pp.72–94.
6. Esteban J., Mayoral L, Ray D. Ethnicity and Conflict: Theory and Facts. *Science*, 2012, vol. 336, pp. 858–865.
7. Petukhov V. V. Rossiiskaia transformatsiia i obshchestvennaia moral' [Russian transformation and social morality]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research], 2015, no. 12, pp.28–40. (In Russian)
8. Avksent'ev V. A., Shul'ga M. M. Stavropole mnogonatsional'noe: oplot stabil'nosti ili perekrestok problem? [Poly-ethnic Stavropolye: stronghold of stability or intersection problems?]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research], 2013, no. 12, pp. 34–42. (In Russian)
9. Kymlicka W. *Multicultural Odysseys: Navigating the New International Politics of Diversity*. Oxford, Oxford University Press, 2007. 384 p. (In Russian)
10. Chapman J. *System Failure: Why governments must learn to think differently*. London, Demos, 2002. 267 p.
11. Bernard P. *Social Cohesion: A Dialectical Critique of a Quasi-Concept?* Ottawa, Strategic Research and Analysis Directorate, Department of Canadian Heritage and Canadian Policy Research Networks, 1999. 230 p.
12. Jenson J. *Mapping Social Cohesion: The State of Canadian Research*. Ottawa: Strategic Research and Analysis Directorate, Department of Canadian Heritage and Canadian Policy Research Networks, 1998. 310 p.
13. Trofimova I. N. Konsolidatsiia vlasti i obshchestva v Rossii: spetsifika tekushchego vneshne- i vnutripoliticheskogo konteksta [Social and political consolidation in Russia: contemporary specifics]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research], 2015, no. 7, pp.72–80. (In Russian)
14. Stone M., Destrempe H., Foote J., Jeannotte M. *Immigration and Cultural Citizenship: Responsibilities, Rights and Indicators*. Montreal, McGill-Queen's University Press, 2008. 284 p.
15. Paris R. *At War's End Building Peace after Civil Conflict*. New York, Cambridge University Press, 2004. 352 p.
16. Idiatullov A. K. Vzaimodeistvie islamskikh techenii v Karachaevskom gorodskom okruge v kontse XX — nachale XXI vv. [Islamic movements interaction in Karachay in the end of XX — beginning XXI]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research], 2016, no. 2, pp.129–135. (In Russian)
17. Rothman J., Alberstein M. Individuals, groups and intergroups: Understanding the Role of Identity in Conflict and Its Creative Engagement. *Ohio State Journal on Dispute Resolution*, 2013, no. 28 (3), pp.631–658. (In Russian)
18. Rothman J. *Resolving Identity-Based Conflict: In Nations, Organizations, and Communities*. San Francisco, Jossey-Bass Publishers, 1997. 380 p.
19. Blagojevic B. Causes of Ethnic Conflict: a Conceptual Framework. *Journal of Global Change and Governance*, 2009, vol. 3, pp. 87–102.
20. Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Los Angeles, University of California Press, 1985. 410 p.
21. Glukhova A. V. Grazhdanskii dialog kak mekhanizm formirovaniia publichnoi politiki: sovremennye tendentsii i problemy Rossii [Civil dialogue as a mechanism for the formation of public policy: current trends and problems of Russia]. *Vestnik VGU*, 2015, no. 3, pp.11–20. (In Russian)

22. Kublitskaia E. A. Konfliktnyi potentsial mezhnatsional'nykh i etnokonfessional'nykh otnoshenii [Conflict potential of inter-ethnic and ethno-confessional relations] *Vestnik of Moscow Universty. Series 18. Sociology and political science*, 2013, no. 1, pp. 97–105. (In Russian)

23. Achkasov V. A. Etnopoliticheskii konflikt kak sledstvie etnizatsii sotsial'nykh problem [Ethno-political conflict as a consequence of social problems' ethnization]. *Politeks*, 2013, vol. 9, no. 2, pp. 70–82. (In Russian)

For citation: Popov M. E. Sociocultural integration and resolving identity-based conflicts: regional perspective. *Vestnik SPbSU. Series 12. Sociology*, 2016, issue 3, pp. 86–100.
DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.307

Статья поступила в редакцию 11 июня 2016 г.;
рекомендована в печать 1 июля 2016 г.

Контактная информация:

Попов Максим Евгеньевич — доктор философских наук, профессор; maximus.popov@gmail.com

Popov Maxim E. — Doctor of Philosophy, Professor; maximus.popov@gmail.com